

АМЕРИКАНСКИЕ УЧЕНЫЕ И ПОЛИТИКИ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ КИТАЯ

© 2018 Л. КОНДРАШОВА

В статье представлены взгляды четырех американских ученых и политиков - Збигнева Бжезинского, Генри Киссинджера, Джо Стадвелла и Майкла Спенса - на итоги экономического развития и общую стратегию Китая в экономической сфере, а также на характер двусторонних отношений КНР и США. Основные научные труды указанных авторов переведены на русский язык, а сами они принадлежат к числу широко известных и авторитетных политических деятелей США, к мнению которых прислушиваются во всем мире.

Ключевые слова: модель развития, экономическая реформа, экономический рост, геополитика, сверхдержавы, Вашингтонский и Пекинский консенсусы

AMERICAN SCIENTISTS AND POLITICIANS ON CHINA'S ECONOMIC STRATEGY

Lyudmila I. KONDRASHOVA, Dr.Sc. (Economics), Chief Researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (lu2701@yandex.ru)

The article presents the views of four American scientists and politicians - Zbigniew Brzezinski, Henry Kissinger, Joe Stowell and Michael Spence - on the results of economic development and China's overall economic strategy, as well as the nature of bilateral relations between China and the United States. The main scientific works of these authors are translated into Russian, and they themselves belong to the well-known and authoritative political politicians of the United States, whose opinions are listened to all over the world.

Of greatest interest is their attitude to the most large-scale problems - the results of economic development and the overall development strategy of the PRC, as well as bilateral relations between the PRC and the US. All the works analyzed in this article are among the most serious works on China in American political literature. Of course, not all of the author's conclusions can be announced, but they, of course, should be taken into account.

An example of a serious research approach to «elevating» China and the associated changes in the entire system of international relations can be the book published in 2013 by former US Secretary of State Henry Kissinger «On China». The monograph of well-known journalist and economist Joe Stowell, who worked in Asian countries for more than 20 years, including over 10 books on China and Asia, «How Asia works» was published in 2014 and immediately fell into the category of best sellers recommended by all interested in China.

Of exceptional interest are the views of two other American figures, the Nobel Prize winner in economics of the American scientist Michael Spence (Michael Spence) and Zbigniew Brzezinski.

Keywords: model of the development, economic reform, economic growth, geopolitics, superpowers. Washington and Beijing consensus

В данной статье представлены взгляды четырех авторитетных американских ученых и политиков - Бжезинского, Киссинджера, Стадвелла и Спенса, монографии которых были переведены на русский язык. Авторы принадлежат к числу широко известных политических деятелей США, к мнению которых прислушиваются во всем мире. Наибольший интерес представляет их отношение к самым масштабным проблемам - итогам экономического развития и общей экономической стратегии КНР в целом, а также двусторонним отношениям КНР и США.

После развала Советского Союза, воспринятого многими как победа США в «холодной войне» и весомое доказательство превосходства американской модели, ускорение экономического роста некоторых развивающихся стран, принадлежащих к категории «выскочек», было первоначально встречено на Западе с некоторым скептицизмом. Экономический подъем Китая в те годы еще не приобрел грандиозных масштабов и не мешал мессианским амбициям США, продолжавшим стремиться к установлению мировой гегемонии и пропаганде своего образа жизни.

ИТОГИ КИТАЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Недавно скончавшийся известный американский политолог, социолог и государственный деятель, бывший в 1997-2001 гг. советником американского президента по национальной безопасности, Збигнев Бжезинский (Zbigniew Brzezinski) в своем бестселлере «Великая шахматная доска» (*The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. 1997) называл высокие темпы роста Китая «многообещающими». В то же

КОНДРАШОВА Людмила Ивановна, доктор экономических наук, гл.н.с., Институт Дальнего Востока РАН. РФ, Москва, Нахимовский пр-т, 32 (lu2701@yandex.ru)

время он выразил сомнения в том, что их удастся сохранить в течение ближайших 20 лет (т.е. на первые два десятилетия XXI в.). Бжезинский писал: «Фактически для сохранения этих темпов в течение исторически продолжительного периода времени потребуются необычайно удачное сочетание эффективного национального руководства, политической стабильности, социальной дисциплины внутри страны, высокого уровня накоплений, сохранения очень высокого уровня иностранных капиталовложений и региональной стабильности. Сохранение всех этих позитивных факторов в течение длительного времени проблематично» [1, с. 191].

Достаточно скоро Китай развеял эти сомнения американского авторитета и принципиального противника социализма, в т.ч. в отношении ненадежности китайской социальной стабильности. Снисходительное предположение Бжезинского, что «сравнительный уровень доступа (в Китае) к телефонам, автомашинам и компьютерам на душу населения будет очень низок», в наши дни выглядит как явная недалекость самоуверенного американского деятеля.

В работе 2011 г. «Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис» (*Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power*), переведенной на русский язык в 2012 г., Збигнев Бжезинский уже вынужден был констатировать огромные успехи Китая, назвав их «реактивным взлетом Китая на вершину мирового Олимпа». Вырос также его оптимизм в отношении будущего Китая. По его словам, «учитывая недавние успехи Китая и его исторические достижения, было бы опрометчиво рассчитывать, что китайская экономика может внезапно забуксовать... Сейчас даже для закоренелых скептиков очевидно, что экономический взлет Китая не фикция и имеет все шансы продолжиться, хотя, возможно, со снижением темпов годового прироста» [2, с. 254].

Примером серьезного исследовательского подхода к «возвышению» Китая и связанного с ним изменения всей системы международных отношений может служить опубликованная в 2013 г. книга бывшего госсекретаря США Генри Киссинджера (*Henry Kissinger*) «О Китае» (*On China*). Г.Киссинджер по праву считается патриархом американской внешней политики, к заслугам которого относят, в первую очередь, политику разрядки в отношениях с Советским Союзом и «открытие» Китая для Америки. В своей книге автор продемонстрировал глубокие знания древней и современной истории Китая, особенности формирования его внешней политики и отношения к Западу.

Не считая своей задачей развернутый анализ экономической политики Китая, Киссинджер опирался на достаточно широко известные экономические исследования других авторов, продемонстрировав при этом согласие с их статистическими расчетами и выводами. Таковы его ссылки на одну из работ крупных американских экономистов Феербэнка и Мэдисона, которые, в частности, пишут: «Китай на протяжении нескольких веков был наиболее производительной экономикой и наиболее населенной торговой зоной... По сути, в Поднебесной производилась значительная часть мирового ВВП... Еще в 1820 г. он производил более 30 процентов мирового ВВП, что превышает ВВП Западной и Восточной Европы, а также Соединенных Штатов, вместе взятых» [3, с. 27]. Как полагает Г.Киссинджер, такое обращение к прошлому позволяет взглянуть на современный китайский подъем как на своего рода восстановление справедливости.

Значительно больший интерес к экономическим сюжетам проявил Джо Стадвелл (*Joe Stadwell*), известный журналист и экономист, проработавший журналистом в азиатских странах более 20 лет, перу которого принадлежат более 10 книг по Китаю и Азии. Монография Джо Стадвелла «*How Asia works*» («Как работает Азия») была опубликована в 2014 г. и сразу попала в разряд бестселлеров, рекомендованная всем интересующимся Китаем. Известно, что Билл Гейтс поставил ее на 3-е место в своем списке пяти особо понравившихся ему в том году книг. В русском переводе 2017 г. она получила название «Азиатская модель управления». Сам факт перевода на русский язык уже свидетельствует о том, что и в России к этой работе был проявлен большой интерес. Автор предисловия к русскому изданию Руслан Алиханов заключает, что эта монография «должна помочь, с одной стороны, демистифицировать истоки успеха, а с другой стороны, продемонстрировать фактический опыт азиатских соседей».

Автор сосредоточился на оценке достижений азиатских рекордсменов экономического роста, к числу которых относится «страновой квартет» - Южная Корея, Япония, Тайвань и Китай [4, с. 8]. Этим «чемпионам» противопоставляются четыре «неудачника» - Индонезия, Таиланд, Филиппины и Малайзия. В этот перечень бенефициантов и лозеров входят азиатские страны, которые избрали капиталистический путь развития. Единственное исключение - Китай, анализ стратегии экономического развития которого выделен в отдельную главу.

Никаких восторгов в отношении наращивания экономического потенциала Китая Стадвелл не

выражает, отсутствуют и сравнения с США (догнал ли Китай США или не догнал). Вместе с тем, он признает, что «технологический уровень китайских производителей подошел вплотную к мировому». По его словам, «Китай в настоящее время инвестирует в приобретение технологий так много средств, что результаты просто обязаны быть впечатляющими» [4, с. 379].

Одновременно с монографией Киссинджера в нашей стране вышел русский перевод работы лауреата Нобелевской премии по экономике американского ученого Майкла Спенса (*Michael Spence*) «Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях» (*The next Convergence: the Future of Economic Growth in a Multispeed World*). В русском переводе заголовка работы М.Спенса для определения конвергенции был использован термин «следующая» (*next*). На наш взгляд, исходя из содержания труда, правильнее было бы использовать дефиницию «грядущая».

Особый интерес представляет авторский анализ изменений в глобальной экономике в направлении сближения экономических уровней различных стран. На протяжении последней четверти XX в. глобальная экономика работала в двойном режиме с разными правилами и практиками для развитых и развивающихся стран. Развитые страны действовали в соответствии со сводом правил, разработанных для открытой рыночной экономики. Обменные курсы были плавающими и устанавливались рынками и глобальными финансовыми потоками. Счета движения капиталов были в основном открытыми, а страны проводили независимую монетарную политику, главной задачей которой была борьба с инфляцией [5, с. 310].

Развивающиеся страны пошли другим путем, сохранив системы управления капиталом и осуществляя управление обменными курсами. Они открывали рынки умеренными темпами, поддерживая разумный баланс между созданием новых рабочих мест и ликвидацией старых. Вмешательство государства в форме субсидий, налоговых льгот, особых экспортных зон с низкими таможенными тарифами и приоритетом развития инфраструктуры служило средством стимулирования диверсификации экспорта.

Отмечая очевидные успехи Китая, автор в то же время указывает на существование стоящих перед КНР следующих экономических проблем:

- переход в число стран со средними доходами сопряжен с необходимостью масштабной микроэкономической реструктуризацией китайской экономики;
- макроэкономический сдвиг к более высокому

уровню доходов и потребления домохозяйств создает проблемы, связанные с ускорением роста среднего класса;

- необходимость преодоления растущего неравенства доходов;
- снижение очень высокого по сравнению с инвестициями уровня сбережений и тем самым уменьшение профицита счета текущих операций;
- необходимость снижения энергопотребления и выбросов углекислого газа;
- те растущие глобальные обязательства Китая, которые он на себя принимает по мере постепенного роста величины китайской экономики и усиления ее воздействия на мировую экономику [5, с. 240].

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

В оценках социально-экономического строя Китая Бжезинский категоричен и лаконичен. Он отмечает, прежде всего, отступление от маоистского социализма в сторону все более полного развития рыночной экономики: «В политическом отношении Китай перешел от радикального тоталитаризма - периодически перемежающегося бесчеловечными и даже кровавыми политическими кампаниями (в частности, Большой скачок» и «Культурная революция») к государственному капитализму, приобретающему все более националистически-авторитарный оттенок» [2, с. 127]. Во Введении к рассматриваемой монографии он делает некоторое уточнение этого подхода, говоря о сплаве экономического либерализма с государственным капитализмом [2, с. 9]. В то же время автор отмечает особую роль понятия гармонии, с которым Китай все настойчивее пытается связать свой образ в глазах остального мира [2, с. 270]. В конечном счете, он предрекает перерождение Китая и отступление от социалистического проекта - «Модернизирующийся и богатейший Китай тоже рано или поздно присоединится к демократическому большинству» [2, с. 271].

Такое «гибридное» истолкование китайской стратегии близко и Киссинджеру, который, ссылаясь на свою встречу в 1987 г. с Чжао Цзяном*, подчеркнул, что Китай встал на очень сложный и долгий курс сочетания капитализма с социализмом [3, с. 431].

* Чжао Цзян - премьер Государственного совета КНР с 1980 по 1987 гг., Генеральный секретарь ЦК КПК с 1987 по 1989 гг. Был ведущим реформатором, внедрял в Китае рыночную экономику, боролся с коррупцией. Смещен с должности за поддержку студентов, выступивших на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. Последние 15 лет жизни провёл под домашним арестом (*прим. ред.*).

В четвертой части монографии, специально посвященной опыту Китая и озаглавленной «Куда идет Китай», Стадвелл ставит в заслугу китайцам, прежде всего их самостоятельность в принятии управленческих решений, иначе говоря, «их неустанную подозрительность» ко всякого рода рецептам «доброжелателей». Именно эта подозрительность к предлагаемым советам (ВБ и МВФ) позволила Китаю, по мнению Стадвелла, стать преуспевающей державой.

Теоретические рассуждения о характере строя не попали в число приоритетных тем Стадвелла. Авторский подход оказался чисто экономическим, точнее сказать, предпринимательским. Рецепт успеха «азиатских тигров и драконов», по его словам, «прост, как дважды два четыре»: семейное фермерство, экспортоориентированная обрабатывающая промышленность и строго контролируемые финансы, поддерживающие два вышеназванных сектора [4, с. 409]. Подчеркивая особую роль государства в стимулировании экономического роста, он обозначает следующие три основных механизма правительственного вмешательства в хозяйственную жизнь: 1) максимальное повышение эффективности сельского хозяйства; 2) направление инвестиций в обрабатывающую промышленность и привлечение к ней предпринимателей; 3) интервенции в финансовый сектор с целью привлечения капитала к развитию интенсивного мелкомасштабного сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности [4, с. 19-20]. Заслуживает внимания его вывод о том, что на первом этапе подъема развивающимся странам вряд ли подходит неолиберальная стратегия, обращение к которой он считает закономерным на втором этапе, когда страны достигают достаточно высокого экономического уровня.

Отдавая должное значению аграрной реформы и введению семейного подряда как метода семейного фермерства, Стадвелл считает, что сельскохозяйственные реформы дали гораздо больший эффект, если было бы внедрено частное землепользование:

«Старинная склонность политической верхушки Китая рассматривать крестьян в качестве нескончаемого расходного материала никогда не исчезала. Размежевание города и деревни в китайском государстве несправедливо и социально ущербно. В то же время оно не является неустрашимым с точки зрения дальнейших перспектив экономического развития» [4, с. 353]. По мнению Стадвелла, «аграрный сектор выполнил свою функцию развития, подготовив экономический подъем, и продолжает кормить страну». Заслуживает внимания авторское упоминание о набираю-

щем силу товарном агробизнесе: «Аграрным корпорациям разрешена долгосрочная аренда земли, находящейся в коллективной собственности, без необходимости превращать ее в государственную». Возрастает число товарных ферм, площадь которых измеряется тысячами гектаров [4, с. 357].

Характеризуя развитие промышленности, Стадвелл дает высокую оценку роли государственного сектора и государственного регулирования. По его словам, китайские госкомпании, подверженные более высокой конкуренции и экспортной дисциплине, чем тайваньские, «добились впечатляющих результатов». В т.ч. в производстве технологически сложной продукции, которая успешно конкурирует и на мировых рынках. По его словам, «перед Китаем открывается заманчивая возможность создания самого успешного промышленного сектора, развивающегося под государственным контролем. Хотя, скорее всего, не столь всепобеждающего, как рассчитывали некоторые» [4, с. 363].

Представляет интерес заключение Стадвелла о том, что «экспортная дисциплина и развитая конкуренция на внутреннем рынке, в сочетании с неустанной выбраковкой неудачников гораздо сильнее, чем характер собственности, влияют на достижение успеха в развитии промышленности» [4, с. 368]. О его оценке влияния формы собственности на экономическое развитие свидетельствует и такой пассаж: «Совершенно очевидно, что китайские чиновники обычно принимают разумные, осмотрительные решения, взвешивая в государственном секторе производителей, которые, в свою очередь, получают выгоду от связей с негосударственными научно-исследовательскими институтами» [4, с. 369].

И, тем не менее, Стадвелл считает китайскую промышленную политику не оптимальной, критикует ее, в первую очередь, за «предубеждение против частного сектора», особенно в финансовой сфере. По его мнению, «рост небанковского кредитования говорит о постепенном размывании государственной власти над финансовой системой» [4, с. 396]. Соглашаясь в принципе с весьма распространенным взглядом, что Китай во многом копирует японскую модель, Стадвелл указывает на то, что экономические реформы в их японском варианте носят более кардинальный характер.

Отмечая достижения КНР в экономическом росте в целом, Стадвелл указывает на то, что сельское хозяйство страны до сих пор не достигло уровня Тайваня. Точно так же Китай отстает от Южной Кореи по скорости и глубине промышленной модернизации и не сопоставим с Япо-

нией в осуществлении сложных технологических проектов. «Но поскольку Китай такая огромная по размерам территории и числу населения страна, а к тому же не является союзником Запада, то с 1978 г. он не перестает поражать мир. И есть ли вообще пределы его экономическому развитию?» [4, с. 350].

В конце концов, Стадвелл приходит к выводу о том, что «примером настоящего прорыва к успешному развитию в Азии была Япония эпохи Мэйдзи, а Китай просто следует ее традициям» [4, с. 402]. «Именно масштабы Китая, а вовсе не оригинальность политики его развития поражают мир» [4, с. 402].

В этой полемике относительно достоинств и недостатков экономической стратегии Пекина более взвешенными представляются оценки Майкла Спенса* (*Michael Spence*). Отмечая специфику стратегии развивающихся стран и появление стран с «новой рыночной экономикой», он указывает на «неработоспособность» т.н. Вашингтонского консенсуса** (ВК). Выдвинутый в конце 1980-х гг. группой экономистов под руководством Джона Уильямсона ВК содержал перечень рекомендаций для слаборазвитых стран. В их числе - либерализация торговли и резкое сокращение протекционистских мер, либерализация прямых иностранных инвестиций, приватизация государственных предприятий, налоговая реформа, фискальная дисциплина, конкурентные валютные курсы и др. Впоследствии ВК стал рассматриваться как декларация рыночного фундаментализма или неолиберализма с броским девизом «стабилизация, приватизация, либерализация» [5, с. 123].

Констатируя, что «азиатские страны взяли из ВК то, что сочли разумным, дополнили и приправили его скептицизмом, что вполне неплохо работало», Спенс констатирует, что эффективные государства и рынки - одинаково важные ингредиенты (экономической стратегии), которые не конкурируют друг с другом, а являются взаимодополняющими элементами процесса [5, с. 125]. В том же «сбалансированном духе» выдержан и другой важный вывод Спенса о том, что «рост порождается сложным взаимодействием государственного и частного секторов», что «успешно развивающиеся страны стали понимать и использовать взаимодействие государственного и частного секторов для достижения устойчивого роста» [5, с. 126].

Изменения в глобальной расстановке сил Спенс объясняет не только успехами развивающихся стран, но и просчетами развитых стран. Так, он отмечает, что структурную эволюцию экономики США в последние 15 лет в значительной степени определяло чрезмерное потребление, основанное на кредитах, которые выдавались под залог дорожающих активов. Кризис положил конец оргии потребления, но структурные изъяны и дисбалансы сохранились. Экспортный сектор экономики США слишком мал и недоразвит. Финансовый сектор гипертрофирован. Недостаточное инвестирование в инфраструктуру сказалось на конкурентоспособности крупных корпораций. Обнаружилась тенденция сокращения промышленного производства и ухода за рубеж промышленных рабочих мест [5, с. 318-320].

Прогнозируемые автором изменения в развитых странах вписываются им в картину предстоящей реглобализации: «После кризиса мы увидим мир, в котором экономический рост в промышленно развитых странах пойдет медленнее, будет восстановлено регулирование, произойдет частичная финансовая деглобализация (что послужит уменьшению воздействия каналов разрушительных финансовых транзакций). Мир после кризиса будет миром, в котором системно важные новые рыночные экономики смогут, по-видимому, и дальше стремительно развиваться, но при условии, что они найдут свое место в международной финансовой системе» [5, с. 310].

Создание «нового гибрида» требует поддержания динамичности развивающихся стран и коррекции курса развитых стран не только в плане большей толерантности в отношении становления «новых рыночных экономик», но и пересмотра ряда догматов рыночного фундаментализма. «Чтобы изменить ситуацию, нужно научиться смотреть на мир глазами всех игроков. Такая способность станет основой для построения системы, обеспечивающей разнообразные потребности всех членов мирового сообщества. Это в равной степени касается как развитых, так и развивающихся стран. Первым надо лучше понимать и реагировать на вызовы развития, а вторым необходимо лучше понимать и принимать внешние и глобальные воздействия» [5, с. 312].

* Майкл Спенс - американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике 2001 г. «за анализ рынков с асимметричной информацией» (*прим. ред.*).

** Вашингтонский консенсус - тип макроэкономической политики, который в конце XX в. был рекомендован руководством ВМФ и Всемирным банком к применению в странах, испытывающих финансовый и экономический кризис (*прим. ред.*).

АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Эта тематика наиболее близка Бжезинскому и Киссинджеру, причем и тому, и другому нельзя отказать в политической трезвости. Она состоит в том, чтобы признать мощь Китая как неоспоримую данность и найти пути согласования интересов двух сверхдержав. Вот как, например, Бжезинский обрисовал главную внешнеполитическую цель Китая: «Размыть американскую власть в регионе (Евразии) до такой степени, чтобы ослабленная Америка почувствовала необходимость сделать пользующийся региональным влиянием Китай своим союзником, а со временем иметь Китай, ставший влиятельной мировой державой, своим партнером». Буквально «сквозь зубы» Бжезинский признал растущее соперничество Америки и Китая, указывая на конец единоличного главенства Запада и смещение мирового центра тяжести на Восток: «Бытует мнение, что будущее за Китаем. Однако учитывая его социальную отсталость и политический авторитаризм, конкурировать с Америкой за роль образца, на который будут равняться относительно более благополучные, современные и демократические страны, он не в состоянии. Однако если Китай не свернет с начатого пути и избежит крупного экономического или социального краха, он может оказаться главным соперником Америки в борьбе за глобальное экономическое и военное могущество» [2, с. 84]. «Растущее влияние Китая на международную обстановку - это данность, с которой Америке придется смириться, не демонизируя и не впадая в едва завуалированные мечты о том, что оно вдруг исчезнет» [2, с. 254].

Киссинджер, не отрицая права Китая на свой собственный путь развития, который принес столь впечатляющие результаты, пришел к выводу о том, что будущее Азии в значительной степени зависит от того, как его будут видеть Китай и Америка.

На протяжении всей своей истории Соединенные Штаты часто мотивировали свои действия перспективами универсальной ценности их идеалов и провозглашенного долга по их распространению. «Что касается Китая, - пишет Киссинджер, - то он действовал, опираясь на собственную уникальность, его расширение происходило на основе культурной ассимиляции, а не миссионерской активности... Руководители по обе стороны Тихого океана обязаны создать и закрепить традицию проведения консультаций и уважения друг друга, позволив, тем самым, и своим преемникам строить общий мировой порядок, который стал

бы выражением параллельных национальных чаяний» [3, с. 563-564].

Как опытный дипломат и непосредственный участник важных американо-китайских переговоров, Киссинджер убежден, что отношения между США и Китаем «необходимы для глобальной стабильности и мира» и напрямую зависят от «фундаментального сдвига», произошедшего в структуре международной системы, и от взаимных усилий обеих сторон по налаживанию взаимовыгодного сотрудничества.

Характеризуя отношения между Китаем и США как «продолжительное соперничество» и «поединок века», он предупреждает, что их не нужно и нельзя превращать в «антагонистическую игру» с заведомо нулевым результатом. «Поскольку великий проект самоукрепления Китая увенчался успехом, и Китай догоняет Запад, целесообразно вместо конфронтации определить условия, на которых Китай должен взаимодействовать с миром. С тем самым миром, который, даже, по мнению многих современных либерально настроенных интернационалистов, причинил ему много зла, и от опустошительных набегов которого Китай теперь оправляется».

Полемизируя со сторонниками точки зрения относительно того, что «успешный китайский подъем идет вразрез с позициями Америки и в Тихом океане, и в мире», Киссинджер, тем не менее, не отрицает того, что Китай «будет пытаться отодвинуть американскую мощь подальше от своих границ, ограничить масштабы американских военно-морских сил и уменьшить вес Америки в международных делах». Показательно, что Киссинджер не верит в успех попыток США сплотить азиатские страны на основе сдерживания Китая или создания блока демократических государств для организации идеологического крестового похода. Он объясняет это тем, что Китай является «незаменимым торговым партнером для большинства своих соседей». Подобным же образом, как он считает, обречена на неудачу «любая попытка Китая исключить Америку из азиатских дел, связанных с экономикой и безопасностью». Она «встретит серьезное сопротивление со стороны почти всех азиатских государств, которые опасаются последствий, которыми чревато господство в регионе одной державы» [3, с. 560-561].

По мнению Киссинджера, китайско-американские отношения было бы более уместно охарактеризовать не как партнерство, а как «совместную эволюцию». Это означает, что и та, и другая страна преследуют свои внутренние императивы, сотрудничая там, где это возможно, и при способливая свои отношения таким образом, что-

бы свести к минимуму вероятность возможного конфликта.

Касаясь вопроса о правах человека, который исторически играл роль раздражителя в двусторонних отношениях, Киссинджер признавал, что попытки навязать свое видение проблем с правами человека обречены на провал, особенно в стране с таким историческим видением самой себя, как Китай.

Общую эволюцию миропорядка в пользу Китая не отрицает и Бжезинский, по признанию которого Дэн Сяопин «распахнул» Китай для внешнего мира и, тем самым, задал направление для небывалого роста. «Этот экономический скачок означает конец единоличного главенства Запада и перемещение мирового центра тяжести на Восток» [2, с. 30]. И еще: «Если Китай не свернет с начатого пути и избежит крупного экономического или социального краха, он может оказаться главным соперником Америки в борьбе за глобальное политическое влияние и даже, в конечном итоге, - за экономическое и военное могущество» [2, с. 84].

Посвятив свою работу анализу экономических проблем азиатских стран, Стадвелл не рассматривает геополитическую ситуацию и оставляет в стороне вопросы сопоставления потенциалов США и КНР. В то же время представляют интерес некоторые приводимые им цифры, касающиеся разного рода внешнеэкономических операций. Так, по его оценке, до 8% ВВП Китая приходят в страну и уходят из нее без разрешения [4, с. 394]. Показательно его отношение к весьма распространенному на Западе понятию «китайской угрозы». В последнем абзаце своей монографии он пишет: «На нынешней стадии развития Китай остается государством со средним доходом на душу населения и далеко отстающим в

институциональном развитии. С точки зрения экономики, ведущим государствам мира нечего опасаться Китая, а вот с точки зрения политики все не так однозначно. Мы должны надеяться, что поскольку Китай более космополитичен, а его военные в большей степени контролируются гражданской властью, чем в Германии середины XIX в. или в Японии между двумя мировыми войнами, то его растущая мощь не станет представлять угрозу» (4, с. 405].

Рассуждая о «грядущей конвергенции», под которой он понимает сближение развитых и развивающихся стран по уровню экономического развития, Майкл Спенс вводит понятие «нормы». Под ней он понимает переход к новой стратегии развития как в развивающихся, так и в развитых странах. По его словам, «эта (гибридная) система более или менее успешно работала в течение долгого времени (почти 25 лет), потому что она соответствовала потребностям очень разных экономик. Это особенно важно, потому что внешнее воздействие, оказываемое новыми рыночными экономикami на общий глобальный финансовый и экономический баланс, было довольно небольшим, т.е. его можно было игнорировать. Но такие времена прошли. Расхождение потребностей все еще существует, но системно значимое внешнее воздействие новых рыночных экономик стало слишком значительным и важным, чтобы его можно было игнорировать и дальше» [5, с. 327].

Все проанализированные в данной статье труды относятся к числу наиболее серьезных работ по Китаю в американской политической литературе. Безусловно, не со всеми авторскими выводами можно согласиться, но их, конечно, стоит при-
нять во внимание.

Список литературы / References

1. Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска. М., Международные отношения. 1998. (Brzezinski Zingier. 1998. The Grand Chessboard. American Primacy and its Geostrategic Imperatives) (In Russ.)
2. Бжезинский Збигнев. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис (Brzezinski Zbigniev. 2012. Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power) (In Russ.)
3. Киссинджер Генри. О Китае. М., Астрель, 2013. (Henry Kissinger. 2013. On China) (In Russ.)
4. Стадвелл Джо. Азиатская модель управления. Удачи и провалы самого динамичного региона в мире. М., Альпина Паблишер, 2017. (Studwell Joe. 2017. How Asia Works: Success and Failure in the World's Most Dynamic Region) (In Russ.)
5. Спенс Майкл. Следующая конвергенция. Будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М., Изд-во Института Гайдара. 2013. (Spence Michael. 2013. The Next Convergence: the Future of Economic Growth in a Multispeed World) (In Russ.)